

18+

АЛЕКСАНДР СИМОНОВ

Я НЕ ГЕРОЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Симонов

Я не герой. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Симонов А.

Я не герой. Сборник рассказов / А. Симонов — «Издательские решения»,

Это давние рассказы. Публикуются, чтобы не занимали место в столе и голове. С чем-то я согласен до сих пор, что-то кажется не столь очевидным.

Содержание

Я не герой	6
Горько	8
Цена вопроса	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Я не герой

Сборник рассказов

Александр Симонов

© Александр Симонов, 2026

ISBN 978-5-0069-9045-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не герой

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал громко, распоров спертый воздух. В комнате стало тише. Слишком тихо. Я слышал, как гудит холодильник на кухне. Слышал, как капает кран в ванной. Слышал стук своего сердца. Оно билось ровно. Не хотело рваться из груди. Оно знало, что ничего не случилось. Ничего, кроме конца. Я сидел в кресле и смотрел на пустой стакан. Коньяк был теплым и безвкусным. Так всегда бывает в конце наших разговоров. Она ушла. Я остался.

Она не оглянулась перед уходом. Женщины редко оглядываются, когда они уверены. Она была уверена, что уходит правильно. Она была уверена, что я останусь здесь. Один. С бутылкой и тишиной. Она права. Я остался.

Мне никогда не суждено было стать ее героем.

Поэтому, я не стал ее останавливать. Нет смысла бегать за поездом, который уже ушел со станции. Особенно если у тебя нет билета. Особенно если ты не хочешь ехать.

Она хотела героя. Все они хотят героев. Это написано в их книгах, показано в их фильмах. Они ждут человека, который придет и решит все проблемы. который принесет деньги, безопасность и смысл. Они хотят, чтобы ты был скалой. Но скалы рушатся. Ветер и вода точат их. Они становятся песком. Я не был скалой. Я был просто человеком. Я уставал. И ошибался. Я иногда пил слишком много и молчал слишком долго.

Что такое герой? Это человек, который спасает. Это человек, который умирает за идею. Это человек, который поднимает танк голыми руками. Или входит в горящий дом. Я не входил в горящие дома. Я ходил на работу. Платил по счетам. Приходил домой уставшим. Я не спасал мир. Я пытался спасти себя. Каждое утро. Это тяжелая работа. Но это не героизм.

Герой — это роль. Это костюм, который тебе не по размеру. В плечах жмет. В шаге трет. Ты носишь его, пока можешь тереть. Потом снимаешь. Она любила мой костюм. Она не любила того, кто под ним.

Я налил себе еще. Коньяк был дешевым и обжигаящим горло. Боль подтверждала, что я не герой. Герои не чувствуют боли. Они идут сквозь огонь и не морщатся. Я морщился. Я чувствовал холод в ногах. Я чувствовал пустоту в животе. Я был настоящим. Она выбрала иллюзию. Это ее право.

Ее герой был где-то там. За дверью. В этом городе или другом. В другой жизни. Может быть, он придет. Может быть, он спасет ее. Может быть, он разочарует ее. Это не мое дело. Мое дело — сидеть здесь.

Ведь мужество часто заключается не в отсутствии страха. Это действие вопреки страху. Но иногда лучшее действие — это ничего не делать. Сидеть в темной комнате и не звонить. Не умолять. Не обещать стать лучше. Потому что ты не станешь лучше. Ты станешь другим. А ей нужен был именно этот. Тот, которым ты притворялся в начале.

Я смотрел на окно. Дерево было старым. Краска облупилась. В углу паутина. Муха билась о стекло. Она хотела наружу. Я понимал ее. Но стекла были чистыми. Препятствие невидимо, но твердо. Так и с героями. Мы бьемся о невидимые стены ожиданий. Нам говорят, что будет хэппи-энд. Что принц приедет на белом коне. Но кони белые только в кино. В жизни кони серые или черные. Они устают и хромают. А принцы пьют пиво. Принцы храпят ночью. Они забывают даты. Они обычные люди.

Я вспомнил другой разговор. Год назад. Она спросила, что я сделаю, если случится беда. Я сказал правду. Я сказал, что буду бояться. Но буду действовать. Она поморщилась. Она хотела услышать, что я не боюсь. Что я железный. Я не железный. Я мясо и кости. Кости ломаются. Мясо гниет.

В этом нет трагедии. Трагедия в том, когда вечно живешь ложью. Притворяться героем — одна из форм лжи. Это утомительно. Нужно постоянно держать спину прямо. Нужно постоянно говорить правильные слова. Нужно скрывать слабость. А слабость, пожалуй, единственное, что у нас есть настоящего. Если убрать слабость, останется только фасад. Раскрашенная картонная коробка.

Я допил коньяк. Бутылка была пуста. Нужно будет сходить в магазин. Завтра. Или послезавтра. Сейчас лень. Вставать лень. Думать лень. Это тоже часть правды. Герои не лентяи. Они всегда в движении. Я люблю покой. Люблю тишину. После ухода становится тихо. Это награда.

Мир полон людей, которые играют роли. Политики играют героев. Бизнесмены играют героев. Любовники играют героев. Все продают что-то. Я ничего не продавал. Я просто был. И этого оказалось недостаточно. Это горькая пилюля. Но она отрезвляет.

Я посмотрел на часы. Стрелки двигались. Время не ждет. Оно не герой и не злодей. Оно просто течет. Как вода. Как коньяк. Как кровь.

Завтра я проснусь. Голова будет болеть. Солнце будет светить слишком ярко. Я сварю кофе. Черный. Без сахара. Я сяду у окна и буду смотреть на улицу. Там ходят люди. Они тоже играют роли. Кто-то спешит на работу. Кто-то ведет детей в школу. Кто-то несет пакеты с едой. Они тоже чьи-то герои. Или чьи-то разочарования.

Я не сужу ее. Она искала свое. Я не смог дать. Это не вина. Это факт. Как дождь. Как гравитация. Нельзя винить землю за то, что ты упал. Нельзя винить женщину за то, что она хотела чуда.

Но я знаю одно. Я не буду примерять чужой костюм. Я буду носить свою кожу. Она может быть старой. Может быть в шрамах. Но она моя. В этом моя единственная победа. Не стать героем. Остаться собой.

В комнате стало совсем темно. Я не включил свет. Город горел огнями. Тысячи окон. Тысячи жизней. Тысячи героев. И тысячи неудачников. Мы все там. Мы все ищем. Мы все теряем. Мы все уходим. Или остаемся. Я закрыл глаза. Тишина была полной. Это было лучше любых аплодисментов. Герои умирают или встают под аплодисменты. Я предпочту умереть в тишине. Если придется умирать.

А пока я просто сижу. стакан пуст. Бутылка пуста. Она ушла. Я здесь. Это все, что имеет значение.

Горько

В зале было жарко. Кондиционер периодически гудел, но не охлаждал. Воздух стоял плотный, как желе. В нем тонули запахи: дешевые женские духи, запах перегретого мяса, пролитое вино и пот. Много пота. Люди собрались, чтобы отпраздновать возникший союз. Они называли это праздником. Я называл это собранием акционеров новой тюрьмы.

Меня посадили у края длинного стола. Скатерть была свежей и белой, но уже пятнистой. Капли вина засыхали, как кровь. Я смотрел на эти капли, словно вызванный ночью судмедэксперт. Равнодушно и спокойно. Передо мной стояла рюмка. В ней была водка. Теплая водка. Я выпил и горло сразу же обожгло. Это было единственное честное ощущение за весь вечер. Боль была реальной. Все остальное было театром.

Вокруг сидели пары. Мужчины и женщины. Они сидели близко друг к другу, но я видел расстояние. Оно было шириной в годы. Мужчины ослабили галстуки и расстегнули воротники. Обнажив розово-красные вмятины на шеях. Они смотрели на молодоженов и видели себя десять лет назад. Видели ту же ошибку. Женщины поправляли прически. Они смотрели на невесту и видели увядание. Они знали, как кожа обвиснет. Что бедра расширятся. Они пили шампанское и улыбались. Улыбки были натянуты и выучены долгой практикой.

Кто-то спросил меня в паузе между музыкой: «Почему ты один?»

Привычно ответил: «Так вышло».

Он кивнул и налил мне еще. Он был женат уже двадцать лет. Его глаза были мертвыми.

Я был единственным холостым мужчиной за этим столом. Кроме меня был только мальчик. Ему было лет десять. Он сидел через один стул от меня и ковырял вилкой оливье. Он не улыбался. Не хлопал, когда гости кричали «Горько». Он смотрел на взрослых как на экспонаты в музее чужих ошибок. Мы кивнули друг другу. Это было наше соглашение. Мы были свободными людьми в городе заключенных. Между нами было сорок лет разницы, но мы понимали друг друга.

Мальчик локтем показал на торт.

«Будешь?» — спросил он.

«Нет», — покачал головой я.

«Зря», — сказал он.

Официанты неспешно и с презрением носили блюда. Мясо было жирным. Салаты плавали в майонезе. Еда нужна была, чтобы заглушить разговоры. Люди ели, чтобы не говорить правду. Они говорили о квартирах и кредитах. О детях и погоде. Это были темы для безопасного разговора. Они боялись тишины. Ведь в тишине можно услышать свои мысли. А мысли были опасны.

Направляясь в туалет, ко мне подошла какая-то тетя. Она была замужем тридцать лет. Ее глаза были мутными, как старое стекло.

— Почему ты один? — спросила она.

В ее голосе была жалость. Жалость хуже презрения. Презрение хотя бы требует усилий. Жалость демонстрирует свое превосходство.

— Мне так удобно, — сказал я.

— Это не нормально, — сказала она. — Человек должен быть с кем-то.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы не было одиноко.

— Сейчас не одиноко? — спросил я и кивнул на ее мужа. Он сидел дальше по столу и спал с открытыми глазами. Одна рука лежала на столе, другая мертвецки свисала к полу.

Жена не посмотрела на него и не ответила. Просто ушла. Взяла бутылку вина и налила себе полный бокал. Ей нужно было забыться. Я налил себе водки. Мне нужно было оставаться в памяти.

Жених выглядел уставшим. Ему было двадцать пять лет, но он держался как старик. Постоянно проверял манжеты рубашки, дорожа подаренными запонками. Пиджак жал ему бока и подмышки слегка потемнели. Он не знал, что пиджак будет жать всегда. Невеста смеялась. Слишком громко и нервно. Она боялась, что праздник остановится. Что гости перестанут верить в их счастье. Цеплялась за руку жениха. И держала его так, будто он мог улететь. Или исчезнуть.

Я смотрел на них и видел ловушку. Здесь любви не было. Была сделка. Была аренда тел и совместная оплата счетов. Было страшно смотреть на них. Не потому что они были счастливы. А потому что они были уверены. Уверенность часто бывает самообманом. Жизнь не дает гарантий. Жизнь бьет исподтишка.

Мальчик взглянул на меня.

— Можно я пойду? — спросил он тихо.

— Куда? — спросил я.

— Домой. В телефон.

— Нельзя, — сказал я. — Надо сидеть. Надо делать вид.

— Зачем?

— Так принято.

— Глупости, — сказал он.

— Да, — согласился я. — Глупости.

Мы выпили вместе. У него был сок, у меня была водка. Цвет был почти похож. Мы чокнулись, протянув руки друг к другу. Стакан о рюмку звякнул тихо. Никто не заметил. Это был наш тост. За тех, кто не спит. За тех, кто всё видит.

Вечер тянулся бесконечно. Музыка стала еще громче. Басы били в уши и грудную клетку. Гости начали танцевать, двигаясь тяжело и деловито. Тела их привыкли к диванам. Они стлкнувались и извинялись. Я вышел на балкон. Там было холодно и ветер дул с реки влагой. Я закурил и дым уходил в темное небо. Внизу горели фонари, освещая тихие улицы.

Я думал о доме. У меня была квартира, где всегда было тихо. Там была кровать. На ней не спала другая женщина. Не было чужих вещей в ванной. Не было вопросов «где ты был». Была только тишина. Тишина, не требующая ответов.

Многие скажут, что я несчастен. Они скажут, что я эгоист. Пусть говорят. Они живут в клетках и украшают золотые или ржавые прутья цветами. Я хожу по полю. Иногда идет дождь. Иногда светит солнце. Я мокну. Я греюсь. Это мое.

Вернулся в зал, когда услышал крики «Горько». Выносили торт. Гости ждали сахара. Им нужна была энергия для продолжения вечера. Я сел на свое место. Мальчик спал, положив

голову на скатерть. Мать накрыла его пиджаком и смотрела на него с любовью. Это была настоящая любовь. Мать и сын. Все остальное было имитацией.

Я допил водку. Осталось немного. Не стал наливать еще. Хватит, нужно было сохранить ясность. Поднялся со стула и никто не заметил. Молодожены резали торт. Нож скрипнул по тарелке. Звук был резким, как выстрел мне в спину.

Вышел из зала в пустой коридор с красным ковром на полу. Пошел по нему. Мои шаги шуршанием отдавались в тишине. Дверь открылась, на удивление легко. Я вышел на улицу и ночь приняла меня. Где-то далеко лаяла собака.

Зашагал домой пешком. Было далеко. Ноги гудели. Это было хорошее ощущение. Боль в мышцах означала, что я жив. Я прошел мимо парка. Скамейки были пустыми, кроме одной. Там сидела пара. Они курили молча. Не говорили. Они были вместе в своем молчании. Это было нормально.

Поднялся домой. Ключ повернулся в замке и щелчок раздался на весь подъезд. Я вошел. Снял ботинки, пиджак повесил на стул. Галстук бросил на стол. Налил стакан воды и выпил. Вода была холодной и безвкусной.

Сел на край кровати в темной комнате. Только свет фонаря падал на пол. Я был один. Это было не одиночество. Это было пространство. Пространство для мыслей. Для слов. Для жизни.

Завтра будет утро. Взойдет солнце. Я буду писать и пить горячий кофе. Они будут просыпаться в своих квартирах. Будут завтракать и снова говорить о погоде. Они будут ждать вечера. Я буду ждать вдохновения.

Свадьба осталась в прошлом. Остался только вкус водки во рту и пепел в пепельнице. Это честно. Это правда. Все остальное было шумом. Я лег и закрыл глаза. Мне не снилась жена. Мне не снились дети. Мне снилась дорога. Она уходила вдаль и я шел по ней. Один. И это было правильно.

Цена вопроса

Я всегда считал, что писательство, сродни ремеслу. Как сапожное дело. Только вместо кожи у меня бумага, а вместо гвоздей заколачиваю точки и запятые. Но мои коллеги утверждали иное. Они говорили, что это служение. Или болезнь. Часто говорили, про талант.

Один мой знакомый, по фамилии Хлебников, недавно издал книгу. Книга называлась «Как стать успешным». Это было странно, потому что сам Хлебников успешным не был. Он был должником. Но книгу купили. Видимо, название сыграло роль.

Мы сидели у меня на кухне. Пили чай. Чай был холодный, потому что перед ним мы пили водку. Хлебников курил. Пепел падал на скатерть. Скатерть была грязная, но мне было все равно.

— Ты знаешь, в чем секрет? — спросил Хлебников. Он выглядел уставшим. У него дергался глаз.

— В связях? — предположил я.

— Нет. Успех пахнет потом. И одиночеством.

Он сказал это так уверенно, будто цитировал классика. Я посмотрел на свою рубашку. Она действительно пахла потом. Я не стирал ее четыре дня.

— А еще слезами и болью, — добавил Хлебников.

— А водкой не пахнет? — спросил я. — У меня от успеха уже изжога.

— Тебе продают картинку, — не слушал меня Хлебников. — Картинку без черновой работы. Глянцевую обложку. А внутри пусто.

Я кивнул. Внутри у меня тоже часто бывало пусто. Особенно по утрам.

— Неужели ты не помнишь такие дни? — настаивал он. — Когда хотелось всё бросить?

— Я помню дни, когда хотелось есть, — сказал я. — Это сильнее.

Хлебников вздохнул. Он достал из кармана пачку сигарет. Пачка была помятая.

— Ты не понимаешь. Чтобы добиться результата, нужно страдать. Нужно сидеть ночью. Нужно чтобы никто не звонил.

— У меня никто не звонит и днем, — заметил я. — Телефон молчит уже полгода. Может, это и есть успех?

Хлебников поморщился. Он не любил шуток. Он хотел быть серьезным писателем. Серьезные писатели должны страдать. Это правило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.